

**БЫЛ ВСЕГДА
ВТОРЫМ**

**ЧЕЛОВЕК
КОТОРЫЙ**

Вечно 25-й

**Человек, который
был всегда вторым**

«Автор»

2026

25-й В.

Человек, который был всегда вторым / В. 25-й — «Автор», 2026

Андрей Воронцов всю жизнь привык быть вторым. В детстве рядом с ним всегда оказывался старший брат, которому доставались всеобщее внимание и родительская гордость. Во взрослой жизни мало что изменилось: на работе Андрей исправлял чужие ошибки, решал чужие проблемы и оставался незаметным человеком, без которого трудно обойтись, но которого редко замечают. Он не умел заявлять о своих заслугах, отстаивать личные границы и верить, что заслуживает большего. Всё меняется, когда Андрей неожиданно получает международную премию за профессиональную работу. Впервые его имя оказывается среди людей, чьи достижения признаёт мир. Впервые он может поверить, что действительно чего-то стоит. Это история о человеке, который слишком долго уступал своё место другим. О тихой борьбе за собственное имя, семейных тайнах, профессиональной этике и непростом пути к уверенности в себе.

Содержание

Глава первая. Запасной	5
Глава вторая. Чужое имя	12
Глава третья. Тот, кого выбрали	16
Глава четвёртая. Человек напротив	22
Глава пятая. Пустое место	29
Глава шестая. Человек, который помнит	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Вечно 25-й

Человек, который был всегда вторым

Глава первая. Запасной

В детстве Андрей не любил фотографироваться.

Не потому, что считал себя некрасивым. Просто на семейных фотографиях ему всегда находилось какое-нибудь неудобное место: край дивана, угол стола, пространство между маминим плечом и отцовской головой. Если все стояли в ряд, Андрей оказывался сзади. Если садились, его просили присесть на корточки. Если фотографировались на улице, он почему-то всегда шурился.

На одной фотографии, сделанной в июне девяносто шестого года, его вообще почти не видно. Старший брат Максим держит в руках футбольный мяч, отец положил ему руку на плечо, мать улыбается, а Андрей стоит за братом и смотрит куда-то в сторону. От него осталась половина лица и ухо.

Фотография до сих пор лежала в альбоме у матери.

Иногда Андрей думал, что это было вполне точное изображение всей их семьи.

- Андрей, отойди немножко, — говорила мать.

Он отходил.

- Макс, встань рядом с папой.

Максим вставал.

- Андрюша, ну что ты там сзади? Иди сюда.

Он подходил, но к тому времени фотография уже была сделана.

Разумеется, никто не хотел его обидеть. В этом и заключалась неприятная особенность его детства: никто не делал ничего настолько плохого, чтобы на кого-нибудь можно было пожаловаться.

Максим был старше на четыре года и вообще умел занимать пространство. Он громко смеялся, первым отвечал на вопросы учителей, мог за пять минут познакомиться с чужими родителями и через десять уже сидеть у них на кухне, поедая печенье. Если Максим что-нибудь разбивал, он рассказывал об этом так убедительно, что взрослые начинали обсуждать, как неудачно поставили вазу.

Андрей был другим.

Он не боялся людей, как говорили некоторые родственники. Он просто не видел необходимости постоянно напоминать о своём присутствии. Если за столом говорили трое, он слушал. Если спорили четверо, он ждал. Если его перебивали, он редко начинал сначала.

Однажды он заметил, что иногда даже забывает, что хотел сказать.

Это случилось в шестом классе.

Учительница литературы попросила каждого написать небольшое сочинение о человеке, которым он восхищается. Андрей написал о своём отце. Не потому, что отец был особенно хорошим человеком, а потому, что однажды зимой они вместе чинили старый радиоприёмник и отец впервые разговаривал с ним так, словно они были равными.

Он описал, как отец снял крышку, разложил на газете маленькие винтики и долго искал неисправность. Как они пили чай из гранёных стаканов. Как за окном темнело, а отец всё объяснял, почему нельзя торопиться, если хочешь понять, что сломалось.

В конце Андрей написал: «Мне нравится, что папа не бросает вещи, даже когда они перестают работать».

Учительница поставила ему четвёрку.

На следующий день она прочитала перед классом сочинение Максима, который учился в той же школе четырьмя годами раньше. Его работа была о матери и начиналась словами: «Мама — это человек, который умеет согреть весь мир, даже когда сама мёрзнет».

Максим получил грамоту на школьном конкурсе.

Андрей долго помнил не грамоту. Он помнил, как учительница, возвращая тетрадь, сказала:

- Хорошо написано. Но тебе не хватает уверенности.

Он спросил:

- А где её взять?

Учительница уже смотрела в другую сторону.

- Вырастешь — поймёшь.

Он вырос. Но уверенность так и не появилась.

Впрочем, это выяснилось не сразу.

В двадцать девять лет Андрей работал в компании «Атом», которая занималась городскими цифровыми системами: электронными очередями, транспортными картами, базами данных и другими вещами, о которых большинство людей вспоминало только тогда, когда они переставали работать.

Офис располагался на четвёртом этаже бизнес-центра с зеркальными окнами. На первом продавали кофе по цене полноценного обеда, на втором находилась стоматология, а на третьем - небольшая юридическая фирма, сотрудники которой постоянно курили у служебного входа.

Андрей приходил на работу в восемь сорок пять.

Официально рабочий день начинался в девять, но ему нравилось приходить раньше. В это время офис ещё не успевал стать офисом. Компьютеры спали, переговорные были пустыми, а на кухне пахло влажной тряпкой и вчерашним кофе.

Он включал чайник, открывал окно на несколько минут и садился за свой стол.

Стол Андрея находился в третьем ряду, возле принтера. Раньше там сидела девушка из бухгалтерии, но она уволилась после того, как начальник отдела назвал её «девочкой на подхвате». Андрей тогда подумал, что это обидно. Потом подумал, что, наверное, начальник не хотел ничего плохого. А ещё через неделю занял освободившееся место.

Он работал аналитиком.

В должностных документах это звучало внушительно, но на практике означало, что Андрей находил ошибки, которые другие пропускали, исправлял чужие таблицы, проверял отчёты и иногда писал программы, хотя программистом официально не считался.

Если система работала, никто не вспоминал, что её проверял Андрей.

Если система не работала, Андрей узнавал об этом первым.

- Слушай, ты же у нас в этом разбираешься, - говорили коллеги.

Эта фраза всегда предшествовала просьбе.

- Посмотришь одним глазом?

- Там совсем немного.

- Ты же быстро сделаешь.

Обычно он делал.

Не потому, что был добрым. С добротой это имело мало общего. Он боялся другого: отказав однажды, он мог перестать быть нужным.

Андрей не сформулировал бы это так даже самому себе. Он говорил, что ему проще сделать, чем объяснять, почему не может. Иногда это действительно было правдой.

По пятницам коллеги ходили обедать в ресторан возле бизнес-центра. Андрей присоединялся, если его звали, и почти никогда не спрашивал, идут ли они без него.

Однажды он случайно услышал, как двое сотрудников обсуждали день рождения руководителя отдела.

- А Андрея позвали?

- Какого Андрея?

- Ну, нашего.

- А, нет. Я думал, он не ходит на такое.

Андрей стоял за дверью переговорной с пачкой распечаток в руках.

Он мог войти. Мог сказать, что тоже не отказался бы от приглашения. Мог даже посмеяться вместе с ними, если бы захотел.

Вместо этого он дождался, пока разговор закончится, и вернулся к своему столу.

Вечером он купил продукты, приготовил макароны и посмотрел две серии детективного сериала. На третьей серии поймал себя на том, что не понимает, кто кого убил, потому что последние двадцать минут думал о чужом дне рождения.

Это было глупо.

Он выключил телевизор и пошёл спать.

В тот четверг всё началось с того, что у него сломалась молния на куртке.

Андрей стоял у выхода из метро, дёргал собачку вверх и вниз и опаздывал на встречу. Молния не двигалась. Ветер забирался под куртку, на телефоне высвечивалось сообщение от начальника отдела, а какой-то мужчина за спиной недовольно вздыхал, потому что Андрей загородил проход.

В конце концов он расстегнул куртку настолько, насколько позволяла ткань, и пошёл дальше.

На встречу он опоздал на семь минут.

- Ну наконец-то, — сказал Игорь Сергеевич, не отрываясь от ноутбука. — Мы уже начали.

Это была обычная рабочая встреча, посвящённая проекту городской транспортной системы. За столом сидели шестеро: Игорь Сергеевич, два программиста, специалист по связям с общественностью, представитель заказчика и Андрей.

На большом экране была открыта презентация.

- Значит, по срокам всё согласовано, — говорил Игорь Сергеевич. — Олег, ты подготовишь финальную версию. Марина, свяжешься с заказчиком. По технической части всё у нас закрыто.

- Не совсем, — сказал Андрей.

Игорь Сергеевич поднял глаза.

- Что?

- Вчера обнаружилась проблема с обработкой повторных запросов. Если её не исправить, в часы пик система может задерживать операции.

Олег повернулся к нему.

- Мы же это обсуждали.

- Обсуждали. Но исправление пока не проверено на полной нагрузке.

- Андрей, мы не можем бесконечно всё перепроверять, — сказал Игорь Сергеевич.

- Когда-нибудь надо заканчивать.

- Да. Просто сейчас оно не закончено.

Несколько секунд все молчали.

Андрей почувствовал, что краснеет. Ему всегда казалось несправедливым, что человек может быть совершенно прав по существу и при этом выглядеть виноватым только потому, что заговорил не вовремя.

- Хорошо, — наконец сказал начальник. — Проверишь сегодня. Но завтра мне нужна финальная версия. Без сюрпризов.

- Хорошо.

Встреча продолжилась.

Когда все стали расходиться, Олег задержался возле Андрея.

- Слушай, ты чего такой серьёзный? — спросил он. — Мы же всё равно успеем.

- Если исправление сработает.

- Ну а если нет, придумаем что-нибудь.

Олег хлопнул его по плечу и ушёл.

Андрей остался собирать бумаги.

Он не испытывал злости на Олега. Злость требовала какого-то решения, а у него решения не было. Он просто знал, что сегодня снова будет сидеть допоздна, проверять чужую работу и завтра услышит, что команда справилась.

Слово «команда» ему нравилось всё меньше.

В половине седьмого он наконец закончил проверку. Ошибка оказалась серьёзнее, чем предполагалось. Андрей отправил Игорю Сергеевичу подробный отчёт, приложил результаты тестирования и написал, что выпускать систему без исправления рискованно.

Ответ пришёл через три минуты.

«Принял. Завтра обсудим».

Андрей закрыл ноутбук.

На улице шёл мелкий дождь. Он купил в переходе горячий пирожок с картошкой и съел его на остановке, пока ждал автобус.

Телефон завибрировал.

Сообщение было от Лены, его бывшей однокурсницы.

«Привет! Ты случайно не знаешь, чем сейчас занимается Павел?»

Андрей посмотрел на экран.

Павел был их общим знакомым. Когда-то они втроём часто сидели в университетской библиотеке, готовились к экзаменам, ходили на дешёвые концерты. Потом Павел уехал, Лена вышла замуж, Андрей остался в городе.

Они переписывались всё реже.

«Не знаю. Давно не общались», — ответил он.

Лена поставила реакцию в виде грустного лица.

Через минуту пришло новое сообщение.

«А ты как вообще? Мы сто лет не виделись».

Андрей начал печатать.

«Нормально. Работаю, ничего особенного».

Он посмотрел на фразу. Удалил её.

Написал:

«Да всё по-прежнему. А ты?»

Отправил.

Лена рассказала, что у неё двое детей, что младший недавно пошёл в детский сад, что они с мужем собираются переезжать. Андрей задавал вопросы, ставил улыбающиеся смайлики и искренне радовался за неё.

Потом разговор закончился.

Он убрал телефон в карман и вдруг подумал, что если бы сегодня умер, то Лена узнала бы об этом, наверное, через несколько дней. Не потому, что ей было бы всё равно. Просто у каждого была своя жизнь, а он давно не занимал в её жизни никакого места.

Мысль была неприятной.

Ещё неприятнее было то, что он не мог вспомнить, когда в последний раз сам звонил кому-нибудь без конкретной причины.

О международной награде Андрей узнал в понедельник.

Сначала он решил, что письмо ошибочное.

Оно пришло на рабочую почту в 10:17, когда он проверял таблицу с результатами тестирования. Отправителем значился международный фонд «Горизонт», который занимался развитием городских технологий и цифровой доступности.

Андрей слышал о фонде. Несколько месяцев назад «Атом» участвовал в исследовательском проекте, связанном с упрощением доступа к городским услугам для людей с ограниченными возможностями. Андрей подготовил часть аналитических материалов, исправил несколько методологических ошибок и предложил изменить способ оценки эффективности системы.

Проект получил хорошие отзывы.

На этом всё закончилось.

По крайней мере, так ему казалось.

Он открыл письмо.

«Уважаемый господин Воронцов!

С радостью сообщаем, что по итогам международного отбора вы включены в число лауреатов премии "Горизонт" в категории "Технологии для человека".

Ваш вклад в разработку методологии оценки цифровой доступности городских сервисов был отмечен независимым экспертным советом.

Торжественная церемония награждения состоится...»

Андрей перестал читать.

Он перечитал первые две строки.

Потом открыл вложение.

Там был официальный документ с логотипом фонда, его фамилией и именем, кратким описанием работы и подписью председателя экспертного совета.

Андрей Воронцов.

Он даже проверил, правильно ли написана фамилия.

Правильно.

- Что там у тебя? — спросил Олег, проходя мимо.

Андрей быстро свернул письмо.

- Ничего.

- Выглядишь так, будто тебе зарплату подняли.

- Да нет. Просто письмо странное.

Олег уже потерял интерес.

- Если что-то важное, перешли Игорю. Он любит такие вещи.

Андрей кивнул.

Ещё минут десять он пытался работать, но строки на экране расплывались. Он чувствовал себя человеком, которому по ошибке вручили чужой билет на поезд. Поезд уже готовился отправиться, проводник ждал у двери, а настоящий пассажир, вероятно, стоял где-то на платформе и искал карманы.

Нужно было разобраться.

Он нашёл сайт фонда, проверил информацию о премии, открыл страницу с объявленными лауреатами.

Его имя было там.

Воронцов Андрей Михайлович. Компания «Атом». Россия.

Ниже располагались ещё одиннадцать фамилий.

Некоторые он знал по профессиональным публикациям. Среди них были руководители исследовательских центров, разработчики крупных цифровых платформ, преподаватели известных университетов.

И Андрей.

Человек, который на прошлой неделе ел пирожок на остановке и не мог придумать, что ответить бывшей однокурснице на вопрос «Как ты?».

Он позвонил в фонд.

После нескольких переключений ответила женщина с приятным, усталым голосом.

- Международный фонд «Горизонт», отдел премий. Слушаю вас.

- Добрый день. Меня зовут Андрей Воронцов. Я получил письмо о награде и хотел бы уточнить некоторые детали.

- Да, конечно. Поздравляю вас, господин Воронцов.

- Спасибо. Дело в том, что я не совсем понимаю, за какую именно работу меня наградили.

Женщина попросила подождать.

Он слышал, как она печатает, потом тихо разговаривает с кем-то рядом. Наконец она вернулась.

- Ваше имя внесено в список лауреатов по итогам экспертного голосования. У вас есть вопросы относительно церемонии?

— Пока да. Я хотел бы узнать, кто выдвинул мою кандидатуру.

- Информацию о выдвижении мы можем предоставить в рамках официального запроса.

Но, насколько я вижу, документы в порядке.

- То есть награда настоящая?

- Безусловно.

Андрей поблагодарил её и отключился.

Он сидел перед монитором, положив руки на стол.

В соседнем ряду кто-то смеялся. Принтер выплёвывал страницы. За стеклянной перегородкой Игорь Сергеевич объяснял Марине, почему презентацию необходимо переделать к обеду.

Всё было как обычно.

Только у Андрея теперь имелось имя на международном сайте.

И он не знал, что с этим делать.

Вечером он позвонил матери.

- Mam, ты помнишь, я рассказывал про тот проект с городскими сервисами?

- Какой именно, Андрюша? Ты мне столько всего рассказываешь.

- Ну, где я отчёты делал. Для международного фонда.

- А, да. Помню. Что случилось?

- Меня наградили.

На другом конце провода повисла пауза.

- Чем?

- Международной премией. «Горизонт».

- Андрей, ты серьёзно?

- Похоже на то.

- Господи! — Мать даже повысила голос. — Вот это новость! А Максим знает?

Андрей посмотрел на кухонные часы.

- Не знаю. Я ему не говорил.

- Так позвони ему! Он же у нас любит всякие международные вещи. Может, знает, что это за премия.

- Хорошо.

- И на работу свою обязательно скажи. Пусть знают, какой у них сотрудник.
- Скажу.

Мать ещё несколько минут расспрашивала его о церемонии, деньгах и возможности поездки. Потом разговор незаметно перешёл на Максима, который собирался менять машину.

- Он мне вчера фотографии прислал, — сказала мать. — Представляешь, какой цвет выбрал? Тёмно-синий. Очень красивый. Только я ему говорю: зачем тебе такая дорогая машина, если можно взять подешевле?

Андрей слушал.

Он смотрел на чашку с остывшим чаем и ждал, когда мать снова вспомнит о награде.

Она не вспомнила.

Когда они попрощались, он долго держал телефон в руке.

Потом открыл семейный чат и написал:

«У меня новость. Получил международную премию за работу над проектом».

Сообщение появилось внизу экрана.

Мать прочитала его почти сразу.

Максим ответил через четыре минуты.

«Красавчик, брат. А что за премия?»

Андрей начал объяснять.

На середине сообщения пришло ещё одно уведомление.

Максим прислал фотографию новой машины.

«Вот, забрал сегодня. Наконец-то».

Мать поставила под фотографией три сердечка.

Андрей посмотрел на своё сообщение. Оно было длинным, обстоятельным и, как ему теперь казалось, совершенно неуместным.

Он не стал его удалять.

Вместо этого налил себе ещё чаю, сел за стол и впервые за много лет позволил себе не делать ничего полезного.

Он просто сидел.

И думал о том, что где-то существует список людей, в котором он стоит на своём месте.

Не позади Максима.

Не рядом с кем-то более важным.

Не в качестве запасного кандидата.

Просто Андрей Воронцов.

Ему было страшно от одной мысли, что это могло оказаться правдой.

Глава вторая. Чужое имя

Утром Андрей проснулся раньше будильника.

За окном было темно, хотя часы показывали половину седьмого. В квартире работал холодильник, в батарее что-то постукивало. Андрей лежал на спине и смотрел на потолок, где возле люстры уже несколько лет темнело небольшое пятно.

Он знал, откуда оно взялось. Два этажа выше, у соседей, однажды лопнул шланг стиральной машины. Сосед приходил извиняться, обещал всё исправить, даже принёс бутылку вина. Андрей тогда сказал, что ничего страшного, хотя вода капала на пол прямо возле розетки.

Пятно осталось.

Он собирался закрасить его прошлым летом, потом осенью, потом перед Новым годом. Каждый раз находилось что-нибудь поважнее.

Андрей повернулся на бок и взял телефон.

Письмо от фонда всё ещё лежало во входящих.

Он открыл его, будто за ночь текст мог измениться.

«Уважаемый господин Воронцов...»

Нет. Никуда он не исчез.

Внизу письма стояла фамилия сотрудницы, которая занималась организационными вопросами, и номер телефона для связи. Андрей решил, что после работы ещё раз позвонит в фонд. Не потому, что сомневался в награде. Он сомневался в себе, но это было не то, о чём можно спросить по телефону.

На кухне он поставил чайник и открыл семейный чат.

Ночью Максим прислал ещё несколько фотографий машины. На одной он стоял возле водительской двери, на другой сидел за рулём, на третьей показывал большой палец. Мать написала, что сын давно заслужил такую покупку. Отец поставил короткое «молодец».

Сообщение Андрея о премии оставалось без ответа.

Он нажал на него, прочитал и почему-то почувствовал неловкость. Как будто написал что-то слишком личное в общий чат, хотя речь шла всего лишь о работе.

Он мог удалить сообщение. Никто бы даже не заметил.

Палец уже лежал на экране.

Андрей убрал руку.

Пусть висит.

Это было небольшое решение, почти смешное. Но утром, пока чайник шумел, он несколько раз посмотрел на экран, проверяя, не появилось ли под его сообщением что-нибудь новое.

Ничего не появилось.

В офисе его ждал Игорь Сергеевич.

Начальник стоял возле кофемашины и разговаривал с Мариной. Увидев Андрея, он поднял руку.

Воронцов, зайди ко мне, когда разденешься.

Слова прозвучали совершенно обыденно. Тем не менее Андрей сразу подумал о вчерашнем отчёте.

В кабинете Игоря Сергеевича пахло кофе и каким-то дорогим древесным ароматом. На подоконнике стоял кактус, который начальник получил в подарок от сотрудников и с тех пор регулярно поливал, хотя все знали, что кактусы не нуждаются в таком количестве внимания.

Садись, - сказал Игорь Сергеевич.

Андрей сел.

Слушай, я тут увидел одну интересную вещь.

Начальник повернул к нему монитор.

На экране была открыта страница международного фонда «Горизонт». В центре находился список лауреатов. Имя Андрея было выделено жёлтым цветом.

Это ты у нас теперь международный эксперт? - спросил Игорь Сергеевич.

В его голосе не было откровенной насмешки. Скорее удивление человека, который обнаружил в давно знакомом шкафу ещё одну полку.

Похоже на то.

Почему я узнаю об этом с сайта?

Я сам узнал только вчера.

Понятно. И что это за награда?

Андрей объяснил. Рассказал о проекте, о своей части работы, о письме. Постарался говорить спокойно и не слишком подробно.

Игорь Сергеевич слушал, время от времени кивая.

Хорошо, - сказал он, когда Андрей закончил. - Это, конечно, интересно. Для компании тоже полезно. Такие вещи нужно правильно использовать.

Андрей не сразу понял, что именно имелось в виду.

В каком смысле?

В обычном. Подготовим новость для сайта, дадим комментарий. Может быть, организуем небольшое интервью. Надо показать, что у нас работают сильные специалисты.

Хорошо.

Игорь Сергеевич посмотрел на него поверх очков.

Ты только не подумай, что я пытаюсь присвоить твои заслуги. Никто этого делать не собирается.

Андрей почувствовал, как внутри что-то сжалось.

Он ведь ничего такого не сказал.

Даже не подумал бы обвинять начальника. Во всяком случае, вслух.

Я и не думал.

Вот и отлично. Тогда пришли мне материалы по проекту. Я подготовлю текст, а ты проверишь фактуру.

Хорошо.

Андрей уже встал, когда Игорь Сергеевич добавил:

И ещё. Не нужно пока рассказывать об этом заказчику. Давай сначала разберёмся, что за премия и какие у нас есть возможности для сотрудничества.

Хорошо.

Он вышел из кабинета с ощущением, что только что что-то отдал, хотя ничего не имел при себе, кроме собственного имени.

За своим столом Андрей открыл почту.

Письмо от фонда всё ещё лежало там.

Он снова прочитал фамилию.

Воронцов.

Его фамилия.

И всё же, пока он сидел в кабинете Игоря Сергеевича, ему казалось, что речь идёт о каком-то другом человеке. О сотруднике, который умел выступать, давать интервью и отвечать на вопросы без предварительной подготовки. О человеке, который не краснел бы, когда на него смотрят.

Андрей умел хорошо объяснять сложные вещи, если перед ним был экран с таблицами и графиками. Но стоило кому-нибудь спросить, что он сам думает о своей работе, как он начинал перечислять обстоятельства, оговорки и чужие заслуги.

Он открыл пустой документ и написал:

«В рамках проекта я занимался разработкой методологии...»

Потом остановился.

Стёр предложение.

Начал заново.

«Я предложил изменить подход к оценке...»

Это было правдой.

Он перечитал строку несколько раз, словно проверял её на наличие ошибки.

Потом сохранил документ.

В обед ему позвонили из фонда.

Женщину звали Елена. Голос у неё был низкий, немного хриловатый, словно она давно привыкла разговаривать по телефону и перестала заботиться о том, какое впечатление производит.

Андрей Михайлович, добрый день. Я хотела уточнить, получили ли вы приглашение на церемонию?

Да, получил.

И успели ознакомиться с информацией?

Да. Но у меня остался один вопрос. Вы можете объяснить, за какую конкретно работу меня наградили?

На этот раз Елена не стала сразу отвечать.

В заявке указана методология оценки доступности городских цифровых сервисов. Насколько я понимаю, вы занимались этим в рамках совместного проекта с вашей компанией.

Да.

Тогда, возможно, вам будет проще ознакомиться с материалами экспертного заключения. Я могу отправить их отдельно.

Буду благодарен.

Хорошо. И ещё один момент. Вы сможете присутствовать на церемонии лично?

Андрей посмотрел на календарь.

До церемонии оставалось три недели. Она должна была состояться в Вене. Фонд оплачивал перелёт и проживание лауреатов.

Думаю, да.

Прекрасно. Тогда я отправлю вам дополнительную информацию. Если появятся вопросы, звоните напрямую. Мой номер будет в письме.

Они попрощались.

Андрей положил телефон на стол.

Он почувствовал облегчение. Теперь всё выглядело достаточно официально, чтобы перестать сомневаться. Оставалось получить заключение экспертов, согласовать поездку и подготовить документы.

Рабочие задачи никуда не делись. Через десять минут ему написал Олег с просьбой проверить очередной отчёт. Андрей открыл файл и начал работать.

В половине второго пришло письмо от Елены.

В теме значилось: «Дополнительные материалы по премии "Горизонт"».

Андрей открыл вложение.

Это был документ на семи страницах. В начале говорилось о целях исследования, затем перечислялись критерии оценки и результаты работы. Он читал внимательно, отмечая знакомые формулировки.

На четвёртой странице встретилось предложение, которое он перечитал дважды.

«Особую ценность представляет разработанный автором принцип выявления скрытых барьеров, возникающих в процессе взаимодействия пользователя с городской цифровой средой».

Ниже шло пояснение.

Андрей помнил этот принцип.

Он придумал его поздним вечером, когда проверял результаты испытаний и пытался понять, почему пожилые люди часто прекращали пользоваться электронными услугами, хотя формально система считалась доступной.

Тогда он предложил учитывать не только ошибки, которые пользователь совершал, но и действия, от которых отказывался ещё до возникновения ошибки. Например, человек мог не нажать на нужную кнопку не потому, что не понял её назначения, а потому, что боялся испортить что-то окончательно.

В отчёте Андрей назвал это «эффектом предварительного отказа».

Коллеги посмеялись над названием, а потом забыли о нём.

Теперь принцип занимал целую страницу международного экспертного заключения.

Андрей откинулся на спинку кресла.

Он вспомнил тот вечер. Пустой офис, остывший чай, сообщение от матери с просьбой помочь Максиму выбрать подарок отцу. Андрей тогда не ответил сразу, потому что хотел закончить расчёты. Потом позвонил брату, потом они спорили о подарке, потом Андрей вернулся к компьютеру и продолжил работу.

Он не помнил, чтобы кто-нибудь особенно интересовался его идеей.

Но кто-то её заметил.

Он дочитал документ до конца.

В приложении был указан состав экспертной комиссии и список людей, принимавших участие в подготовке итогового решения. Фамилии ничего ему не говорили. Некоторые принадлежали известным исследователям, другие - руководителям крупных организаций.

В последнем абзаце упоминалось, что награда присуждена за индивидуальный вклад, подтверждённый независимыми рецензиями.

Андрей снова открыл страницу со списком лауреатов.

Теперь его имя выглядело иначе.

Не как ошибка в чужом документе.

Как результат работы, которую он действительно сделал.

Он закрыл страницу и посмотрел на часы. До конца обеда оставалось четыре минуты.

В этот момент пришло сообщение от Игоря Сергеевича.

«Андрей, подготовь, пожалуйста, краткое описание своего вклада в проект. До конца дня. Нужно для корпоративной новости».

Андрей открыл ответ.

Написал: «Хорошо, готовлю».

И отправил.

Затем вернулся к документу фонда и сохранил его на рабочий стол.

Впервые за долгое время он решил, что чужое мнение может подождать, пока он сам разберётся в том, что произошло.

Глава третья. Тот, кого выбрали

В тот вечер Андрей задержался на работе не из-за отчёта.

Он давно закончил описание своего вклада в проект, отправил его Игорю Сергеевичу и даже успел проверить две таблицы, которые Олег обещал подготовить ещё утром. Можно было выключить компьютер, одеться и пойти домой. Но Андрей сидел перед монитором и читал список лауреатов премии «Горизонт».

Он уже знал имена почти всех участников.

На седьмом месте значилась женщина из Швеции, разработавшая систему навигации для людей с нарушениями зрения. На девятом - профессор из Нидерландов, занимавшийся доступностью общественных услуг. На одиннадцатом - руководитель исследовательской группы из Канады.

На четвёртом стоял он сам.

Андрей не понимал, по какому принципу были расположены фамилии. В алфавитном порядке они не шли. По странам тоже. Возможно, последовательность определялась категориями или просто соответствовала программе церемонии.

Он не стал искать объяснение.

Вместо этого открыл сайт фонда и перешёл к архиву прошлогодней церемонии.

На фотографиях люди стояли на сцене, пожимали друг другу руки, держали в руках стеклянные награды. Большинство улыбалось так, как улыбаются люди, которые знают, что их фотографируют.

Андрей задержался на снимке, где мужчина лет сорока пяти выступал перед залом. У него были седые виски, немного усталое лицо и привычка держать микрофон обеими руками.

Под фотографией значилось имя: Павел Сергеевич Левин.

Андрей нахмурился.

Фамилия показалась знакомой, хотя он не мог вспомнить откуда.

Он открыл страницу мужчины.

Павел Левин был специалистом по цифровой доступности, руководителем независимой исследовательской группы. Несколько лет назад он участвовал в международном проекте, связанном с городскими системами. В списке публикаций имелась работа, название которой Андрей узнал сразу.

«Скрытые барьеры цифрового взаимодействия: от технической ошибки к человеческому отказу».

Андрей перестал двигать мышью.

Это была не просто похожая тема.

В статье использовалась та же идея, которую он предложил в своём отчёте.

Он открыл публикацию.

Текст был написан сложным академическим языком. Автор подробно описывал, почему традиционные методы тестирования не позволяют выявить часть проблем, с которыми сталкиваются пользователи. В одном из разделов приводился пример пожилого человека, который отказывался продолжать электронную операцию, опасаясь потерять уже введённые данные.

Андрей перечитал абзац.

Пример был почти дословно таким же, как в его внутреннем отчёте.

Он проверил дату публикации.

Статья вышла два года назад.

Внутренний отчёт Андрея был подготовлен девять месяцев назад.

Он медленно убрал руки с клавиатуры.

Конечно, это ничего не доказывало. Идея могла прийти в голову разным людям. Проблема была известной, исследования проводились во многих странах. Совпадение формулировок ещё не означало, что кто-то воспользовался его работой.

Андрей сам не раз видел, как два человека независимо приходили к похожим выводам. Но здесь совпадало слишком многое.

Он открыл список публикаций Павла Левина и стал искать другие материалы.

Через несколько минут нашёл интервью, опубликованное на сайте одного европейского университета. Павел рассказывал о своей работе, о причинах, по которым выбрал эту область, и о трудностях, с которыми сталкиваются разработчики городских сервисов.

На вопрос журналиста о главном профессиональном открытии он ответил:

«Однажды я понял, что самые важные ошибки - это не те, которые человек совершает, а те, которых он боится настолько, что вообще отказывается действовать».

Андрей прочитал фразу дважды.

Потом ещё раз.

Он отодвинулся от стола.

Ему стало холодно, хотя в офисе было душно.

Домой он ехал в переполненном автобусе.

Рядом стояла женщина с огромной клетчатой сумкой, из которой торчали зелёные стебли лука. Молодой человек у окна смотрел видео без наушников. Водитель резко тормозил на каждой остановке, и пассажиры недовольно качались вперёд.

Андрей держался за поручень и думал о статье.

Он пытался вспомнить, говорил ли кому-нибудь о своей идее до того, как подготовил отчёт.

Да, говорил.

Возможно, даже не один раз.

На одном из совещаний он рассказывал Олегу о проблеме предварительного отказа. Олег тогда спросил, нельзя ли как-нибудь измерить это явление, и Андрей объяснил, что пока не знает. Потом они обсуждали результаты испытаний с Игорем Сергеевичем. Ещё раньше Андрей отправлял промежуточные материалы рабочей группе, в которую входили сотрудники нескольких организаций.

Он не помнил, был ли среди них Павел Левин.

Именно это беспокоило сильнее всего.

Если бы Андрей точно знал, что никогда не общался с ним, можно было бы хотя бы начать разбираться.

Но он не знал.

Он слишком часто относился к собственным идеям как к чему-то промежуточному, не заслуживающему отдельного внимания. Отправлял документы без пометок об авторстве, делился результатами в общих чатах, позволял включать свои выводы в коллективные отчёты.

Ему казалось, что так и должна выглядеть нормальная работа.

Команда делает общее дело. Главное - результат.

Теперь эта фраза звучала иначе.

Дома Андрей снял куртку, поставил чайник и открыл ноутбук.

Он решил поискать фамилию Павла в старой рабочей переписке.

Первые результаты ничего не дали. Потом он изменил запрос, добавил название проекта и нашёл письмо, отправленное почти год назад.

Тема: «Материалы по доступности городских сервисов».

В копии стояли семь адресов.

Андрей пробежал глазами список.

На пятой строчке был адрес, который принадлежал Павлу Левину.

Он открыл письмо.

«Коллеги, направляю промежуточные результаты тестирования. В приложении - замечания по поведению пользователей, включая случаи отказа от продолжения операции до появления технической ошибки. Пока рассматриваю это как отдельную категорию проблем, требующую дополнительной проверки».

Ниже шла таблица.

Андрей помнил её.

Он помнил даже, что отправил письмо в пятницу вечером и после этого поехал помогать матери переносить шкаф.

Павел Левин получил эти материалы.

Это ещё не означало, что он использовал их в своей работе. Но теперь Андрей уже не мог успокоить себя простым объяснением о случайном совпадении.

Он открыл статью и сравнил даты.

Статья была опубликована раньше, чем Андрей отправил письмо.

Получалось, Павел сформулировал идею раньше него.

Андрей медленно закрыл ноутбук.

Он почувствовал стыд, хотя не понимал, за что именно.

Возможно, за то, что успел подумать о чужом человеке плохо, не зная его. Возможно, за то, что на несколько минут позволил себе поверить, будто его собственная идея настолько уникальна, что никто не мог прийти к ней независимо.

А возможно, за то, что даже сейчас, когда всё указывало на то, что награда могла быть присуждена ошибочно, он испытывал не только облегчение.

Где-то глубоко внутри он всё ещё хотел, чтобы его имя осталось в списке.

Он не стал сразу ложиться спать.

Сидел на кухне, пил чай и смотрел на тёмное окно.

Потом открыл телефон и нашёл страницу Павла Левина.

На ней была фотография мужчины в сером свитере. Он стоял возле книжного шкафа, немного щурился от света и держал в руках бумажный стаканчик.

Выглядел он совершенно обычно.

Не как человек, который украл чужое место.

Не как человек, которому Андрей мог бы что-то доказать.

Просто человек.

Андрей закрыл страницу.

На следующий день он собирался позвонить в фонд и попросить объяснить ситуацию.

Он пока не знал, что именно скажет.

Но впервые за всё время с момента получения награды ему стало страшно не оттого, что его могут лишить чего-то хорошего.

Ему стало страшно оттого, что он может оказаться неправ.

На следующий день в 11:20 позвонила Елена из фонда.

Андрей увидел её имя на экране и сразу ответил.

Андрей Михайлович, добрый день. Удобно разговаривать?

Да, конечно.

Я хотела бы обсудить с вами один организационный вопрос. Вы уже успели подтвердить участие в церемонии?

Пока нет. Я как раз хотел вам позвонить.

Хорошо. Тогда, возможно, нам лучше поговорить сейчас.

Её голос звучал иначе, чем в прошлый раз. Всё так же вежливо, но теперь в нём появилась осторожность.

Мы проводим дополнительную проверку документов по нескольким заявкам, - сказала она. - В ходе проверки обнаружилось расхождение в материалах, связанных с вашей номинацией.

Андрей посмотрел на дверь кабинета. Она была закрыта, но за стеклом виднелись силуэты сотрудников.

Какое расхождение?

Я не хотела бы обсуждать детали по телефону, пока проверка не завершена. Но считаю необходимым предупредить вас, что список лауреатов может быть пересмотрен.

Он молчал.

Андрей Михайлович, вы меня слышите?

Да.

Мы понимаем, что эта ситуация может быть неприятной. Хочу подчеркнуть, что речь не идёт о каких-либо претензиях лично к вам.

Я понимаю.

Он не понимал.

Я могу получить документы, на основании которых было принято решение?

Разумеется. Я направлю вам официальный запрос и материалы, которые мы имеем право раскрыть на данном этапе.

Хорошо.

И ещё один вопрос. Вам известно имя Павла Левина?

Андрей закрыл глаза.

Да. Я нашёл его публикации.

Вы знакомы лично?

Нет. Но он участвовал в одном из проектов, по которому я готовил материалы.

На другом конце провода стало тихо.

Это важная информация, - сказала Елена. - Не могли бы вы прислать нам переписку, подтверждающую ваше участие в проекте?

Могу.

Спасибо. Мы свяжемся с вами, как только появятся новости.

Разговор закончился.

Андрей несколько секунд держал телефон у уха, хотя в трубке уже звучали короткие гудки.

Потом положил его на стол.

Он мог бы рассказать об этом Игорю Сергеевичу. Мог бы немедленно переслать переписку. Мог бы позвонить матери, которая наверняка сказала бы, что ничего страшного не произошло.

Вместо этого он открыл старое письмо, нашёл вложения и начал собирать документы.

Он делал это аккуратно, проверяя даты и названия файлов.

Как будто речь шла о работе.

Как будто от него не зависело ничего личного.

И всё же, когда он обнаружил в архиве ещё одно письмо, отправленное Павлу Левину, рука у него замерла над мышью.

Письмо было коротким.

«Павел, добрый день. Посылаю обновлённую версию таблицы. В разделе о предварительном отказе добавил несколько примеров. Если сочтёте нужным, можете использовать их в своих материалах. Андрей».

Он перечитал последнюю строку.

«Можете использовать их в своих материалах».

Андрей помнил, как написал это. Тогда ему казалось, что он просто помогает коллеге. Он даже не задумался о том, что будет дальше.

Теперь эта фраза лежала перед ним, чёрная на белом фоне.

Андрей откинулся на спинку кресла.

Впервые за много лет он отчётливо понял, что уступить место можно не только тогда, когда тебя просят отойти.

Иногда достаточно самому сказать: садитесь, мне не трудно.

И потом уже никто не спрашивает, хотел ли ты остаться.

В тот же вечер Андрей получил письмо от Павла Левина.

Тема была короткой: «По поводу премии».

Андрей открыл его не сразу. Сначала проверил адрес отправителя, затем посмотрел на часы, потом встал и прошёлся по комнате.

Он не знал, чего ожидал.

Обвинений? Извинений? Просьбы не поднимать шум?

В письме было всего несколько абзацев.

«Андрей, добрый вечер.

Мне сообщили, что фонд связался с вами по поводу премии. Я не знаю, какие именно материалы они предоставили, поэтому не хочу делать поспешных выводов.

Мы с вами пересекались в рамках проекта по цифровой доступности, хотя лично не знакомы. Я помню вашу таблицу и несколько замечаний, которые вы прислали. Они были полезны для моей работы.

Если у вас есть вопросы по поводу публикации или номинации, предлагаю поговорить напрямую. Думаю, это будет правильнее, чем пытаться разобраться через третьих лиц.

С уважением, Павел Левин».

Андрей дочитал письмо.

Павел не оправдывался. Не обвинял его. Даже не говорил, что награда принадлежит ему.

Он просто предлагал поговорить.

Андрей открыл окно ответа.

Написал:

«Добрый вечер. Спасибо за письмо. Я хотел бы разобраться в ситуации».

Остановился.

Добавил:

«Мне кажется, возникло недоразумение».

Перечитал.

Удалил последнее предложение.

Он пока не знал, недоразумение ли это.

Написал, что готов поговорить, и отправил.

Ответ пришёл через несколько минут.

«Хорошо. Я буду в вашем городе в следующий четверг. Если вам удобно, можем встретиться».

Андрей посмотрел на дату.

Следующий четверг был через восемь дней.

Он согласился.

Потом выключил компьютер и пошёл мыть посуду.

В раковине стояли две тарелки, чашка и сковорода, которую он обещал вымыть ещё утром. Он включил воду, взял губку и начал тереть сковороду.

Через некоторое время заметил, что улыбается.

Не потому, что ситуация разрешилась.

Ничего не разрешилось.

Просто впервые за долгое время у него было дело, которое нельзя было поручить кому-то другому.

И он собирался довести его до конца.

Глава четвёртая. Человек напротив

В четверг Андрей пришёл в кафе на двадцать минут раньше.

Он выбрал столик у окна, заказал чёрный кофе и теперь жалел, что не взял что-нибудь поесть. На соседнем столе лежала раскрытая газета, за стойкой девушка в белой футболке протирала кофемашину, а возле входа мужчина пытался застегнуть ребёнку куртку. Ребёнок не хотел стоять на месте и всё время выворачивался из его рук.

Обычное утро. Самое обычное из всех возможных.

Андрей посмотрел на часы.

До встречи оставалось семнадцать минут.

Он заранее придумал, как начнёт разговор. Сначала представится, хотя в этом не было необходимости. Потом скажет, что благодарен Павлу за письмо. Затем объяснит, почему решил встретиться.

Всё это звучало прилично, спокойно и совершенно неестественно.

Андрей попробовал начать мысленно ещё раз.

Я хотел бы понять, на каком основании...

Нет. Получалось, будто он пришёл на допрос.

Мне кажется, в этой ситуации...

Тоже плохо.

Он вообще заметил за собой неприятную особенность: чем важнее был разговор, тем больше он старался заранее подобрать правильные слова. В итоге к началу разговора у него оставался целый набор фраз, но не было ни одной, которую хотелось бы произнести.

В 10:02 дверь открылась.

Мужчина, вошедший в кафе, был ниже, чем Андрей представлял. Тёмное пальто, серый шарф, небольшая сумка через плечо. Волосы с проседью, лицо усталое. Он остановился у входа, оглядел помещение и сразу направился к окну.

Андрей?

Да. Здравствуйте.

Они пожали друг другу руки.

Ладонь у Павла оказалась холодной.

Извините, что опоздал на две минуты. Такси застряло возле вокзала.

Ничего страшного. Я сам рано пришёл.

Павел снял пальто, повесил его на спинку стула и сел.

Вы уже заказали?

Да. Вам что-нибудь взять?

Кофе, пожалуйста. Без сахара.

Он подозвал официантку, сделал заказ и вернулся к разговору.

Ну что, - сказал он. - Давайте разбираться.

Андрей кивнул.

Ему почему-то стало легче от того, что Павел не пытался предварительно обсудить погоду, дорогу или качество кофе. Он говорил так, словно понимал, что оба пришли сюда не для знакомства.

Я получил письмо от фонда, - начал Андрей. - Они сообщили, что рассматривают возможность пересмотра списка лауреатов.

Мне тоже написали.

Вам объяснили причину?

Частично. Сказали, что в документах обнаружили расхождения по авторству некоторых материалов. Подробностей пока не предоставили.

Павел помолчал.

Вы, наверное, уже читали мою статью?

Да.

И нашли сходство с вашим отчётом.

Это был не вопрос.

Нашёл.

Павел снял очки, протёр их салфеткой и снова надел.

Я понимаю, как это выглядит.

А как это выглядит с вашей стороны?

Павел впервые внимательно посмотрел на него.

Если честно? Я не знаю, что именно вы думаете.

Андрей почувствовал знакомое желание смягчить разговор. Сказать, что ничего страшного, что он просто хочет разобраться, что, возможно, всё произошло случайно.

Он почти произнёс эти слова.

Но почему-то вспомнил пятно на потолке.

И не произнёс.

Я думаю, что отправлял вам материалы, которые вы потом использовали в своей работе. При этом ваша статья была опубликована раньше. Я не понимаю, как это связано.

Павел не ответил сразу.

Принесли кофе. Он поблагодарил официантку, подвинул чашку ближе к себе и только потом заговорил.

Я начал исследовать эту проблему задолго до нашего общего проекта. Ещё в университете. Тогда меня интересовали не столько технические ошибки, сколько поведение людей в ситуациях, когда они не доверяют системе. Я несколько лет собирал наблюдения, проводил интервью, пытался найти закономерности.

Я прочитал вашу статью.

Тогда вы знаете, что речь там идёт не только об отказе от операции. Есть целая модель поведения. Люди заранее оценивают вероятность ошибки, предполагают, что не смогут её исправить, и в какой-то момент решают, что проще вообще ничего не делать.

Андрей слушал.

Всё это было ему знакомо.

Слишком знакомо.

Когда я получил ваши материалы, - продолжил Павел, - часть наблюдений совпала с тем, что я уже исследовал. Некоторые примеры были новыми. Я использовал их в дальнейшей работе.

С указанием моего имени?

Павел опустил взгляд.

Не везде.

Это прозвучало так просто, что Андрей не сразу понял смысл ответа.

Что значит «не везде»?

В первоначальной версии отчёта ваша фамилия была указана в перечне участников проекта. Но в публикации, которую вы читали, использовались результаты нескольких исследований. Там не было персональных ссылок на каждый промежуточный материал.

Но мои данные использовались?

Да.

Андрей посмотрел на чашку.

Кофе был слишком горячим, и он даже не попробовал его.

Вы знали, что эти материалы подготовил я?

Знал.

И не сочли нужным указать моё имя?
Павел провёл пальцем по краю чашки.

Тогда я считал, что это часть общего проекта. Мы оба работали с одними и теми же данными, обсуждали похожие проблемы. Я не думал, что присвоил себе вашу работу.

Я не говорил, что вы её присвоили.

Но подумали.

Андрей хотел возразить, однако не смог.

Да, подумал.

И, наверное, не только подумал. Он провёл почти весь вечер, разглядывая фотографию Павла и пытаюсь понять, что это за человек, который мог занять его место.

Он представлял его самодовольным, уверенным в своей правоте, возможно, даже немного жестоким.

Вместо этого перед ним сидел усталый мужчина, который не пытался оправдываться любой ценой.

Это раздражало.

С несправедливостью было бы проще справиться, если бы у неё было лицо человека, которого можно не любить.

А вы считаете, что я должен был получить эту награду? - спросил Андрей.

Павел поднял глаза.

Я считаю, что не могу ответить на этот вопрос за экспертную комиссию.

Это не ответ.

Другого у меня нет.

Андрей откинулся на спинку стула.

Он почувствовал, что разговор идёт совсем не так, как он представлял.

Ему хотелось услышать что-нибудь определённое. Что Павел признает его заслуги. Или скажет, что награда принадлежит ему. Или хотя бы объяснит, почему именно Андрей оказался в списке.

Но Павел не мог дать ему ничего из этого.

Знаете, что самое странное? - сказал Андрей.

Павел ждал.

Я ведь не уверен, что хочу, чтобы вы потеряли награду. Я вообще не знаю, чего хочу. Когда мне сообщили, что я лауреат, я сначала решил, что это ошибка. А потом... потом мне понравилось.

Последние слова дались ему с трудом.

Он посмотрел в окно.

По тротуару шла женщина с бумажным пакетом. Пакет порвался, несколько яблок выкатились на асфальт. Женщина поставила сумку на землю и начала собирать их, придерживая пальто локтем.

Мимо прошли двое мужчин.

Один из них обернулся, но не остановился.

Андрей отвёл взгляд.

Мне понравилось видеть своё имя в списке, - продолжил он. - И от этого мне стыдно. Почему?

Потому что я не знаю, заслужил ли я его.

Павел некоторое время молчал.

Вы сделали работу, за которую вас выдвинули?

Да.

Вы обманули фонд?

Нет.

Вы подделали результаты?

Нет.

Тогда за что вам стыдно?

Андрей не ответил.

Павел вздохнул.

Послушайте. Я не знаю, кто должен получить эту награду. Но я знаю, что люди вроде нас очень часто путают профессиональную скромность с готовностью исчезнуть. Мы так боимся показаться самодовольными, что начинаем заранее отказываться от собственных заслуг. А потом удивляемся, когда другие люди не замечают того, от чего мы сами отказались.

Андрей поднял голову.

Вы всегда так разговариваете?

Павел усмехнулся.

Как?

Будто знаете, что у меня в голове.

Нет. Просто я сам так делал.

Он достал телефон, посмотрел на экран и снова убрал его в карман.

Когда я начинал работать, у меня был научный руководитель. Очень сильный специалист. Он научил меня почти всему, что я знаю. Но однажды я понял, что он использует мои идеи в собственных публикациях, иногда даже не упоминая, что я участвовал в исследованиях.

И что вы сделали?

Ничего.

Павел произнёс это без особого выражения.

Почему?

Потому что считал себя молодым специалистом, которому повезло попасть в хорошую группу. Мне казалось, что если я начну спорить, меня просто перестанут приглашать к работе. Поэтому я продолжал помогать. Думал, что однажды он заметит, сколько я сделал.

Заметил?

Нет.

Павел улыбнулся, но улыбка получилась невесёлой.

Потом я ушёл. Через несколько лет мы встретились на конференции. Он представил меня как своего бывшего студента и сказал, что всегда знал, что у меня есть потенциал. Я тогда чуть не рассмеялся.

Почему?

Потому что потенциал был единственным, что мне оставили. Все результаты уже числились за ним.

Андрей посмотрел на Павла.

Впервые за встречу ему захотелось спросить что-то не о награде.

Вы с ним сейчас общаетесь?

Иногда. Он стареет. У него проблемы со здоровьем. Недавно написал мне письмо, попросил помочь с одной публикацией.

Вы помогли?

Павел пожал плечами.

Да.

Андрей невольно улыбнулся.

Почему?

Потому что я тоже не очень умный человек.

Они оба засмеялись.

Смех был коротким, немного неловким, но после него стало проще дышать.

Павел допил кофе.

Я не хочу, чтобы вы думали, будто я специально добивался того, чтобы ваше имя убрали из списка. Я вообще не знал, что вы были номинированы, пока фонд не связался со мной. Но я также не собираюсь говорить, что награда должна достаться вам только потому, что вы оказались в неприятной ситуации.

Я и не прошу.

Хорошо.

Павел посмотрел на часы.

Мне скоро нужно ехать. У меня встреча в университете.

Он достал из сумки небольшой блокнот, вырвал лист и написал на нём адрес электронной почты.

Я пришлю вам несколько материалов. Там есть документы, которые могут помочь разобраться, как ваши результаты попали в итоговый отчёт. Посмотрите, если захотите.

Андрей взял лист.

Спасибо.

Павел надел пальто.

Уже возле выхода он обернулся.

Андрей.

Да?

Если фонд действительно допустил ошибку, это не значит, что вы должны добровольно отказываться от своего места. Пусть сначала выяснят, в чём дело.

Он сказал это без пафоса, почти между делом.

Потом ушёл.

Андрей остался сидеть за столиком.

Перед ним стояла пустая чашка, на блюде лежала маленькая ложка. На листке бумаги был написан адрес электронной почты.

Он перечитал его, сложил лист вдвое и убрал в карман.

Встреча не принесла ему ни уверенности, ни облегчения.

Но теперь он знал, что Павел не собирается отдавать ему своё место из жалости.

И, как ни странно, это было первым, что Андрей по-настоящему уважал в нём.

На работе в тот день всё шло не так, как обычно.

В 15:40 Игорь Сергеевич вызвал Андрея к себе и попросил подготовить несколько слайдов для презентации, которую собирались показать руководству компании.

Нам нужно использовать историю с наградой, - сказал он. - Это хороший повод рассказать о наших компетенциях.

Андрей открыл присланный файл.

На первом слайде стоял логотип «Атома» На втором - фотография городского автобуса. На третьем было написано:

«Компания " Атом " получила международное признание за вклад в развитие цифровой доступности».

Андрей перечитал фразу.

Мы не получали награду, - сказал он.

Игорь Сергеевич поднял глаза.

В каком смысле?

Награда присуждена мне.

Ты работаешь в нашей компании.

Да, но в письме указано моё имя.

Начальник откинулся на спинку кресла.

Андрей, не усложняй. Мы говорим о командном результате.

Я понимаю.

Тогда в чём проблема?

Андрей посмотрел на экран.

Он мог бы сказать, что фонд ещё не завершил проверку. Что ситуация сложная. Что неправильно публиковать информацию до официального подтверждения.

Все эти объяснения были разумными.

Но он вдруг понял, что хочет сказать другое.

Я не хочу, чтобы в презентации создавалось впечатление, будто награду получила компания.

Игорь Сергеевич несколько секунд молчал.

Ты серьёзно?

Да.

Начальник снял очки и положил их на стол.

Слушай, я не понимаю, что с тобой происходит. Ещё неделю назад ты спокойно работал, а теперь у нас международные премии, личные заслуги и какие-то претензии к формулировкам.

У меня нет претензий.

Тогда не вижу проблемы.

Андрей почувствовал, как начинают потеть ладони.

Ему хотелось закончить разговор. Сказать, что он, наверное, неправильно выразился, что готов предложить другую формулировку, что компания действительно внесла свой вклад.

Он даже открыл рот.

Но Игорь Сергеевич уже смотрел в монитор, давая понять, что разговор закончен.

Андрей встал.

Я пришлю вам вариант текста, - сказал он.

Хорошо.

Он вышел из кабинета.

За своим столом Андрей долго смотрел на открытый документ. Потом удалил заголовок и написал новый:

«Индивидуальный вклад Андрея Воронцова в разработку методологии оценки цифровой доступности».

Он не стал добавлять слово «уникальный». Не стал писать, что именно его работа позволила компании получить международное признание. Не стал преувеличивать собственную роль.

Просто указал то, что считал правдой.

Затем отправил файл Игорю Сергеевичу.

Ответа не было до конца рабочего дня.

Андрей выключил компьютер, надел куртку и вышел на улицу.

Молния снова заедала.

Он подёргал её, выругался вполголоса и пошёл к метро.

Вечером ему позвонил Максим.

Слушай, ты чего пропал? - спросил брат.

Я работаю.

Все работают. Ты матери не звонил два дня.

Звонил на прошлой неделе.

Ну и что? Она переживает.

Андрей остановился возле перехода.

Что случилось?

Ничего не случилось. Просто она говорит, ты какой-то странный. С наградой своей носишься, на работе у тебя проблемы. Ты же понимаешь, что это не повод устраивать драму?

Андрей почувствовал, как внутри поднимается раздражение.

Откуда ты знаешь, что у меня на работе проблемы?

Мама сказала, что ты кому-то там что-то доказываешь.

Я ничего не доказываю.

Ну и отлично. Я просто не хочу, чтобы ты наломал дров. Такие вещи надо решать спокойно.

Андрей молчал.

Максим продолжал говорить. Рассказывал, что у него сейчас сложный период, что на работе меняется руководство, что машина оказалась дороже, чем он рассчитывал. Потом спросил, сможет ли Андрей помочь ему разобраться с одной электронной системой, через которую нужно было подать документы.

Раньше Андрей сразу согласился бы.

Он уже представлял, как вечером откроет ноутбук, найдёт инструкцию, разберётся с формой и отправит брату готовое решение.

Не сегодня, - сказал он.

Максим замолчал.

Что?

Не сегодня. Я занят.

Чем?

Вопрос прозвучал без злости, скорее с искренним недоумением.

Андрей посмотрел на поток машин.

Своими делами.

На другом конце провода стало тихо.

Ладно, - сказал Максим. - Не нервничай. Я сам разберусь.

Он отключился.

Андрей убрал телефон в карман.

Он не чувствовал себя победителем. Не испытывал гордости. Наоборот, ему было неприятно от мысли, что брат теперь, возможно, считает его обиженным или мелочным.

Но он не перезвонил.

Он дошёл до метро, спустился по эскалатору и встал за жёлтой линией.

Поезд пришёл через минуту.

В вагоне было тесно. Андрей уступил место пожилой женщине, которая вошла на следующей станции, и встал возле двери.

Он заметил это не сразу.

Только когда поезд тронулся, он вдруг понял, что сделал это автоматически.

Женщина поблагодарила его.

Не за что, - ответил Андрей.

И впервые задумался, в чём именно заключалась разница между добротой и привычкой уступать.

Он пока не знал ответа.

Но вопрос уже не давал ему покоя.

Глава пятая. Пустое место

В субботу мать позвонила в девять утра.

Андрей ещё спал. Он нащупал телефон на тумбочке, посмотрел на экран и несколько секунд раздумывал, не сделать ли вид, что не услышал. Потом всё-таки ответил.

Андрюша, ты спишь?

Уже нет.

Я тебя разбудила?

Нет, мам.

Он посмотрел на часы.

Мать говорила, что у неё сегодня выходной, но Андрей знал, что это ничего не значит. Даже в выходные она находила себе дела: могла поехать на рынок, помочь соседке с покупками, разобрать шкаф, который уже разбирала трижды за последний год.

Ты сегодня свободен?

Андрей сел на кровати.

А что?

Мы хотели собраться. Отец давно просит приехать. Максим тоже будет. Посидим, пообедаем. Ты же давно не был.

Это было правдой.

В последний раз Андрей приезжал к родителям почти месяц назад. Тогда он помог отцу перенести несколько коробок из кладовой, починил кран на кухне и уехал до ужина, потому что Максим собирался заехать с женой, а Андрей не хотел мешать.

Он сказал, что приедет.

Хорошо. Во сколько?

К двум. Только купи по дороге что-нибудь к чаю. Я не успела сходить в магазин.

Хорошо.

Мать уже собиралась прощаться, но вдруг вспомнила:

Кстати, Максим сказал, что ты ему вчера нагрубил.

Андрей закрыл глаза.

Я ему не грубил.

Он говорит, что ты отказался помочь с документами.

Я сказал, что занят.

Но ты ведь мог посмотреть. Тебе же не трудно.

Вот оно.

Не просьба. Даже не упрёк.

Просто установленный порядок вещей, в котором Андрей всегда находился где-то рядом, готовый сделать то, что другим неудобно.

Мам, я не обязан всё бросать, когда Максиму что-то нужно.

На другом конце провода наступила тишина.

Андрей сам удивился тому, как прозвучали его слова. Он не собирался говорить резко. Вообще не собирался говорить ничего подобного.

Я разве сказала, что обязан? - спросила мать.

Нет.

Я просто попросила тебя помочь брату. Вы же родные люди.

Я знаю.

Тогда не понимаю, зачем ты начинаешь.

Андрей посмотрел на стену.

Ему захотелось объяснить, что он не начинает. Что он не злится на Максима за просьбу. Что дело вообще не в документах. Он хотел бы рассказать матери о том, каково это – годами быть человеком, к которому обращаются только тогда, когда что-то нужно исправить.

Но он не знал, как рассказать об этом так, чтобы она не решила, будто он обвиняет её в собственной неудавшейся жизни.

Ладно, мам. Давай потом поговорим.

Конечно. Приезжай к двум.

Она отключилась.

Андрей ещё немного посидел на кровати, потом встал и пошёл в ванную.

Он долго смотрел на себя в зеркало.

Ничего особенного в его лице не было. Обычный мужчина тридцати лет, немного осунувшийся, с коротко подстриженными волосами и щетиной, которую он собирался сбрить ещё вчера.

Он попробовал представить, каким видят его другие.

Мать, вероятно, считала его хорошим сыном, который в последнее время стал слишком нервным.

Отец видел в нём человека, способного разобраться с техникой, документами и бытовыми неприятностями.

Максим, скорее всего, считал его немного занудным, но надёжным братом.

Коллеги знали, что Андрею можно поручить любую сложную задачу, если сроки уже поджимают.

А кто видел в нём просто Андрея?

Не сына, не брата, не сотрудника, не удобного человека, который всё понимает.

Кто-нибудь вообще задавался вопросом, чего он хочет?

Он включил воду.

Вопрос показался ему глупым. Люди не обязаны постоянно интересоваться желаниями друг друга. У всех свои заботы, работа, семьи, счета, болезни и маленькие неприятности, из которых состоит жизнь.

Он и сам редко спрашивал других, чего они хотят.

Возможно, потому, что боялся услышать ответ, на который не сможет ничего предложить.

Родительская квартира встретила его запахом жареного лука и телевизором, который отец включал даже тогда, когда никто его не смотрел.

На кухне мать доставала из духовки противень с курицей. Отец сидел в комнате и пытался настроить телевизионные каналы. Из-за стены доносился его раздражённый голос:

Да куда они опять делись? Вчера же были!

Пап, привет, – сказал Андрей, заглянув в комнату.

А, пришёл. Посмотри, что с телевизором. Я нажал что-то, теперь половины каналов нет.

Андрей снял куртку.

Дай сначала поздороваюсь.

Отец посмотрел на него с некоторым удивлением, словно эта мысль не приходила ему в голову.

Ну, здоровайся.

Они обнялись.

Отец пах табаком, хотя бросил курить семь лет назад. Запах, вероятно, остался в старом домашнем свитере, который он носил зимой и летом, меняя только футболки под ним.

Как работа? – спросил отец.

Нормально.

Зарплату подняли?

Пока нет.

Надо просить. Сейчас без этого никак.

Андрей усмехнулся.

Хорошо, пап.

Я серьёзно. Кто не просит, тому не дают.

Отец произнёс это и повернулся к телевизору.

Андрей остался стоять посреди комнаты.

Он подумал, что отец, возможно, был прав. Возможно, всё было гораздо проще, чем ему казалось. Люди не могли догадаться, чего ты хочешь, если ты никогда об этом не говоришь.

Но почему тогда было так трудно начать?

На кухне мать поставила перед ним тарелку с нарезанными овощами.

Нарежь огурцы, пожалуйста. Я руки заняла.

Андрей взял нож.

Он не успел разрезать первый огурец, как в коридоре раздался голос Максима.

Мам, мы приехали!

Сначала вошла жена брата, Оля, с пакетом подарков. За ней появился Максим. Он был в новой куртке, которую мать сразу заметила и одобрила.

Ой, какая хорошая! - сказала она. - Дорогая, наверное?

Да обычная, - ответил Максим. - На распродаже взял.

Он поцеловал мать, пожал руку отцу, хлопнул Андрея по плечу.

Здорово, брат.

Привет.

Чего такой серьёзный?

Ничего.

Максим улыбнулся и пошёл в комнату.

Через десять минут вся семья собралась за столом.

Отец рассказывал о соседях, мать жаловалась на цены, Оля показывала фотографии из отпуска. Максим рассказывал, как в понедельник у него будет важная встреча с новым руководством.

Андрей ел и слушал.

Ему нравилось, когда семья собиралась вместе. В такие моменты квартира словно становилась больше, воздух наполнялся голосами, и на какое-то время можно было забыть, что у каждого давно своя жизнь.

Но сегодня он всё время ждал подходящего момента, чтобы рассказать о премии.

Он не собирался делать из этого событие. Просто хотел, чтобы родные узнали, что с ним происходит.

Несколько раз разговор подходил близко к нужной теме.

Отец пожаловался, что в его отделе опять сократили людей.

Мать сказала, что по телевизору показывали какого-то учёного, которому вручили международную награду.

Максим рассказал, что его знакомый собирается ехать на конференцию в Германию.

Каждый раз Андрей думал, что сейчас можно сказать.

И каждый раз разговор уходил в сторону.

Наконец отец спросил:

Ну, Андрей, у тебя что нового?

Андрей положил вилку.

Меня выдвинули на международную премию. Точнее, уже включили в список лауреатов.

Он произнёс это спокойно. По крайней мере, ему так казалось.

Мать замерла с салатницей в руках.

Правда?

Да. Фонд называется «Горизонт». Награда за работу над цифровой доступностью городских сервисов. Церемония будет в Вене.

В Вене? - переспросила Оля.

Да.

Отец отложил нож.

Это та работа, которой ты всё время занимаешься?

Да.

Ну, молодец.

Он сказал это искренне, и Андрей почувствовал облегчение.

Мать поставила салатницу на стол.

А что дают? Деньги?

Андрей замялся.

Не знаю. Там есть денежная часть, но дело не в этом.

Ну почему же. Деньги тоже важны.

Конечно.

Максим вытер руки салфеткой.

Подожди, а тебя лично наградили? Не компанию?

Да. Меня.

Ничего себе.

Брат посмотрел на него с таким выражением, которого Андрей раньше не замечал. В нём не было ни насмешки, ни явной зависти. Скорее удивление, словно Максим впервые увидел в знакомом предмете какую-то неожиданную функцию.

Слушай, а это серьёзная премия?

Похоже на то.

И тебя пригласили?

Да. Через три недели.

Максим присвистнул.

Ну ты даёшь.

Андрей улыбнулся.

На несколько секунд ему показалось, что всё наконец получилось именно так, как он хотел. Не нужно было ничего доказывать, спорить, убеждать. Он просто сообщил новость, и его услышали.

Потом Максим спросил:

А там можно кого-нибудь с собой взять?

Не знаю. Почему?

Да просто. У меня знакомый сейчас в Вене живёт, было бы удобно заодно встретиться. Если у тебя есть свободное приглашение, скажи.

Мать засмеялась.

Максим, ну что ты сразу! Человека наградили, дай ему порадоваться.

Я же не требую. Просто спросил.

Андрей посмотрел на брата.

Я пока не знаю, как всё устроено.

Да без проблем.

Максим снова взял вилку.

Разговор продолжился.

Мать стала спрашивать, где Андрей будет жить, сколько продлится поездка, нужно ли ему оформлять какие-то документы. Отец поинтересовался, кто оплачивает перелёт. Оля рассказала, что Вена очень красивый город и что они с Максимом давно собирались туда съездить.

Всё было нормально.

Никто не сказал ничего обидного. Никто не пытался унижить Андрея или отнять у него награду.

И всё же через двадцать минут он поймал себя на том, что снова сидит молча и слушает, как Максим рассказывает о своём знакомом, который работает в австрийском банке.

Собственная новость растворилась в общем разговоре.

Андрей доел курицу, отодвинул тарелку и спросил, можно ли ему ещё чаю.

Мать поднялась.

Конечно, сейчас сделаю.

Он смотрел, как она собирает посуду, как Оля помогает ей, как Максим что-то объясняет отцу.

И вдруг вспомнил фотографию из детства.

Ту, где от него осталось только половина лица и ухо.

Тогда он думал, что просто неудачно встал.

Теперь ему пришла в голову другая мысль.

Возможно, он всю жизнь стоял там, куда его ставили.

А когда места не хватало, отходил сам.

После обеда Андрей помог отцу настроить телевизор.

Оказалось, что тот случайно переключил режим просмотра и теперь искал каналы не в том списке. Андрей нажал несколько кнопок, вернул прежние настройки и показал отцу, как переключаться между разделами.

Вот видишь, - сказал отец. - А я думал, сломался.

Там просто режим изменился.

Всё теперь через эти режимы. Раньше была одна кнопка, и всё понятно.

Андрей засмеялся.

Отец тоже улыбнулся.

Они сидели рядом на диване, и несколько минут между ними было удивительно спокойно.

Потом отец спросил:

А ты действительно хочешь ехать?

Андрей повернулся к нему.

Конечно. Почему нет?

Ну, не знаю. Заграница, незнакомые люди. Ты же у нас не любишь выступать.

Я не очень люблю.

Тогда зачем тебе это?

Андрей посмотрел на экран телевизора.

Он мог бы сказать, что поездка нужна для карьеры, что это возможность познакомиться с коллегами, что международная награда поможет ему в будущем.

Все эти объяснения были правдой.

Но ни одно не отвечало на вопрос.

Потому что меня пригласили, - сказал он наконец.

Отец кивнул.

Ну, раз пригласили, надо ехать.

И добавил:

Только смотри, не вздумай там уступить кому-нибудь своё место. Сейчас всякие бывают. Андрей рассмеялся.

Постараюсь.

Отец не засмеялся.

Я серьёзно говорю. Если тебя выбрали, значит, было за что.

Он произнёс это так просто, что Андрей не нашёлся с ответом.

Позже, когда он собирался уходить, отец вышел проводить его до двери.

Слушай, - сказал он, пока Андрей застёгивал куртку. - Я тут подумал. Может, мне тоже съездить с тобой? Не в саму Вену, конечно. Просто давно хотел куда-нибудь выбраться.

Андрей поднял голову.

Ты серьёзно?

Почему нет? Пока здоровье позволяет. Можно на несколько дней. Я посмотрю, как там люди живут.

Отец говорил об этом с непривычным оживлением.

Андрей почувствовал, что сейчас должен ответить осторожно. Объяснить, что поездка пока не согласована, что у него будет плотная программа, что, возможно, придётся много работать.

Но вместо этого сказал:

Давай сначала узнаем, как всё устроено. Если получится, поедем вместе.

Отец улыбнулся.

Вот и хорошо.

Он похлопал Андрея по плечу и вернулся в комнату.

Андрей вышел на лестничную площадку.

Уже спускаясь, он понял, что впервые за долгое время согласился на что-то не потому, что от него этого ждали.

И впервые отказать ему было бы, наверное, легче, чем согласиться.

Он остановился на пролёте между этажами, достал телефон и открыл сайт фонда.

Потом набрал номер Елены.

Она ответила после третьего гудка.

Елена? Это Андрей Воронцов. Извините, что беспокою в выходной.

Ничего страшного. Что-то случилось?

Я хотел уточнить, могу ли я приехать на церемонию с сопровождающим.

Обычно это возможно, но дополнительные расходы участник оплачивает самостоятельно. Я могу проверить условия и сообщить вам в понедельник.

Хорошо. Спасибо.

Он отключился и убрал телефон.

Внизу хлопнула входная дверь.

Андрей продолжил спускаться.

На улице было холодно, но дождь закончился. На мокром асфальте отражались окна домов, а возле подъезда кто-то оставил детский велосипед.

Он шёл к остановке и думал об отце.

О том, как тот сидел рядом с ним на диване и говорил, что если тебя выбрали, значит, было за что.

Андрей не был уверен, что отец понимал, насколько важными оказались эти слова.

Но впервые за много лет ему захотелось, чтобы отец приехал и увидел, как его сын стоит на сцене.

Не потому, что Андрей хотел доказать ему что-то.

Просто потому, что ему хотелось, чтобы отец был рядом.

И чтобы на этот раз ему не пришлось отходить в сторону, когда начнут фотографировать.

Глава шестая. Человек, который помнит

В понедельник Андрей опоздал на работу.

Впервые за последние три года.

Он вышел из дома вовремя, успел купить кофе в переходе и даже подошёл к остановке за несколько минут до автобуса. Но возле перекрёстка случилась авария, движение встало, а водитель объявил, что дальше автобус не поедет.

Андрей вышел вместе с остальными пассажирами и пошёл пешком.

Когда он добрался до офиса, было без четверти десять.

Игорь Сергеевич стоял возле принтера и разговаривал по телефону. Увидев Андрея, он посмотрел на часы, но ничего не сказал. Только дождался, пока тот снимет куртку, и подозвал к себе.

Есть минутка?

Андрей повесил куртку на спинку стула.

Да.

Я посмотрел твой вариант презентации.

Начальник говорил спокойно, даже доброжелательно. Именно поэтому Андрей сразу насторожился.

В целом неплохо. Но я бы убрал несколько формулировок.

Каких?

Например, вот это. - Игорь Сергеевич показал на экран. - «Индивидуальный вклад Андрея Воронцова». Звучит так, будто ты один работал над проектом.

Но награда присуждена мне за конкретную часть работы.

Андрей, мы же не спорим о том, кто что сделал. Речь о том, как это преподнести.

Он открыл другой слайд.

Там стоял заголовок: «Команда " Атома" - лауреат международной премии "Горизонт"».

Вот так будет правильнее. Мы расскажем о проекте, укажем твоё имя, подготовим фотографию. Всем будет хорошо.

Андрей посмотрел на слайд.

Внизу мелким шрифтом действительно стояло его имя.

«Андрей Воронцов, аналитик».

Он вдруг вспомнил школьную фотографию, на которой от него осталось только ухо.

Странное дело. В тот момент, когда ему наконец предоставили место, кто-то снова предлагал отодвинуться немного в сторону. Не убрать совсем. Просто сделать так, чтобы общая картина выглядела гармоничнее.

Я не против рассказать о команде, - сказал Андрей. - Но нельзя писать, что команда получила награду. Это не так.

Игорь Сергеевич вздохнул.

Ты понимаешь, что компания предоставила тебе возможность работать над этим проектом?

Конечно.

Что ты использовал наши ресурсы, оборудование, время других сотрудников?

Да.

Тогда я не понимаю, почему ты так цепляешься за формулировку.

Андрей почувствовал, как напряглись плечи.

Он знал этот разговор. Знал его интонацию, последовательность аргументов и даже то место, где обычно сдавался.

Сначала ему напоминали о помощи, которую он получил.

Потом о том, что без команды ничего бы не получилось.

Затем о том, что он слишком серьёзно воспринимает обычные рабочие вопросы.

В конце он соглашался на компромисс, который почему-то всегда означал, что первоначальная просьба остаётся в силе.

Я не цепляюсь, - сказал он. - Я хочу, чтобы информация была точной.

Игорь Сергеевич посмотрел на него внимательнее.

Хорошо. Тогда давай сделаем так. Я попрошу юридический отдел проверить формулировки. Пока ничего публиковать не будем.

Он закрыл файл.

И ещё. Руководство хочет, чтобы ты выступил на внутренней конференции в следующем месяце. Расскажешь о методологии. Минут двадцать, не больше.

Андрей не ожидал этого.

Я?

А кого ещё? Ты же автор работы.

Последние слова прозвучали почти насмешливо, хотя, возможно, начальник этого не заметил.

Хорошо, - ответил Андрей.

Вот и отлично. Видишь, можно же нормально договориться.

Игорь Сергеевич вернулся к своему телефону.

Разговор закончился.

Андрей сел за стол и открыл почту. На экране было несколько новых сообщений, но он не мог сосредоточиться.

Он думал о том, что только что произошло.

Ещё месяц назад он был бы доволен. Ему предложили выступить на конференции, рассказать о своей работе, получить дополнительное внимание руководства. Он даже мог бы посчитать это небольшим профессиональным успехом.

Теперь он подозревал, что согласился слишком быстро.

Он ведь не спросил, кто будет присутствовать на конференции. Не уточнил, будет ли указано его авторство в материалах. Не поинтересовался, как именно представят его работу.

Просто сказал «хорошо».

Словно само согласие было его единственным способом доказать, что он не доставляет проблем.

Андрей открыл календарь и внёс дату выступления.

Потом написал себе заметку:

«Уточнить условия участия».

Он перечитал её и добавил:

«До того, как соглашаться».

В обед позвонила Елена из фонда.

Она сообщила, что вопрос с сопровождающим решён. Андрей мог приехать с отцом, если тот самостоятельно оплатит перелёт и дополнительные расходы на проживание. Для церемонии требовалась отдельная регистрация, но никаких препятствий не было.

Я отправлю вам все детали, - сказала Елена. - И ещё хотела предупредить: в ближайшие дни с вами может связаться представитель экспертной комиссии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.